

**К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY**

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева, В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr. Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тугаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства
(новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии
Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.**

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

деформацией). В анализ были также включены еще 18 мужских и 15 женских краниологических серий развитого средневековья Средней Азии. Отмечена морфологическая специфика лицевого отдела мужских согдийских и тохаристанских серий из-за наиболее клиногнатного на уровне орбит лица и самого высокого в среднем переносья. При этом облик женских серий является промежуточным между более западными группами из Хорезма и более восточными группами с территории Караханидского государства, что совпадает с географическим положением Согда и Тохаристана почти в центре рассматриваемого региона. Если опираться на результаты межгруппового анализа мужских групп — несколько более контрастных, чем женские, — то серии из Шуллиуктепа без деформации и с теменным вариантом деформации имеют некоторое сходство лицевых характеристик с хорезмскими группами, что может объясняться участием последних в формировании населения средневекового Несефа. Шуллиуктепская группа с затылочной уплощенностью как среди мужчин, так и среди женщин пока не находит прямых аналогий вне согдийских популяций Средней Азии.

Таким образом, мужская и женская краниологические серии из могильника Шуллиуктепа характеризуется наличием двух видов искусственной деформации черепа. По признакам строения лицевого скелета они в целом сходны с другими городскими согдийскими сериями, не испытывавшими сколько-нибудь значительной инфильтрации монголоидных групп. Вероятно, также, что некоторое влияние на облик населения Несефа XI–XII вв. оказали связи с Хорезмом.

TYPES OF ARTIFICIAL CRANIAL DEFORMATIONS AND BIOLOGICAL AFFINITIES OF THE MEDIEVAL SOGDIAN POPULATION

Andrey V. Gromov, Alexey A. Kazarnitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: Shulluktepa, artificial cranial deformation, craniometry, geometric morphometrics.

A cranial series from the Shulluktepa burial ground (1000–1200 AD), the cemetery of the medieval city of Nesef has been studied. Mid-sagittal profiles of the skulls have been analyzed by means of geometric morphometrics. The series consists of three almost equal in number sub-groups, viz. non-deformed skulls, skulls with occipital-parietal deformation, and skulls with parietal deformation. It has been hypothesized that the type of artificial deformation labels population sub-groups of the different origins. To test this suggestion we have compared data on facial cranial measurements of these three sub-groups and others Central Asian medieval series. The results of the canonical analysis have revealed that the non-deformed sub-group of skulls and those with parietal deformation are similar to each other and can be related to the medieval population of Khorezm, while the sub-group with occipital-parietal deformation does not demonstrate close biological affinities with any of non-Sogdian cranial series.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИТАДЕЛИ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА: 2013–2018 гг.

Н. В. Семёнов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-197-199

Ключевые слова: Согд, Древний Пенджикент, Согдийская фортификация.

В 2013 г. были начаты работы на северном склоне холма цитадели Древнего Пенджикента с целью изучения соотношения между дворцовым комплексом правителей Пенджикента, раскопанным А. Исаковым в 1960-е гг., и сооружениями на Кайнаре.

В результате был открыт северный фас крепостной стены, ранее никем не выявленной и относящийся к средней линии укреплений цитадели. С южной внутренней стороны этих укреплений были зафиксированы остатки сооружений VI в. и, вероятно, еще более ранних построек, граничащих с раскопками А. Исакова. Дальнейшие работы велись в нескольких помещениях к югу от крепостной стены — в пом. 22, в котором была обнаружена живопись, и расположенных к востоку от него пом. 23, 24 и 25. В восточной части раскопа была выявлена массивная стена, ориентированная по оси С–Ю и относящаяся к нескольким строительным периодам, так как на юге она соединяется с платформой дворца Деваштича (пом. 23), а на севере ее основание соответствует более раннему уровню пола пом. 25 и граничит с южным фасом исследуемой крепостной стены цитадели. Здесь в плоскости массивной стены был расчищен *арочный проход* высотой 4 м, соединяющий пом. 25 с внутрискладным коридором (пом. 26), расположенным под открытыми пом. 22 и пом. 24. Суммировав полученные данные, можно с большой долей вероятности утверждать, что выявленные здесь перестройки соотносятся с результатами исследований Г. Л. Семёнова на цитадели в 1980-х гг. (Семёнов 1996: 21, 68–82). Следуя его периодизации, следует отметить:

1. Самый поздний, VI строительный период маркируется характерным паховым панцирем и фрагментами керамики в кладке, относящимися ко времени не позднее начала VIII в. В 2015 г. в кладке панциря была найдена тюркешская монета. К этому же времени относится и возведение паховой платформы для дворца Деваштича, перекрывающей остатки пом. 22 и пом. 24;

2. Предшествующие IV–V периоды связаны с запустением и последующей забутовкой пом. 22 и пом. 24. К этому времени относят также и постройку донжона в юго-восточной части цитадели;

3. III период связан с масштабной перестройкой как на цитадели, так и на шахристане городища, причем происходит возведение охватывающих большой периметр новых крепостных стен и последующая застройка образовавшейся между этими стенами территории. На цитадели к этому периоду относится возведение кайнарского дворца, возведение новых стен внутренних укреплений, забутовка внутрибашенных помещений и постройка на образовавшейся платформе помещений-казарм. Этот строительный период повсеместно представлен грубой и небрежной кладкой из разноформатного кирпича с раствором, что было выявлено при разрезе средней линии укреплений в 2015 г. и при расчистке забутовки внутрискладного коридора (пом. 26). В заполнении был собран керамический материал, соответствующий I и II комплексам, в том числе, чаша с ангобным крестом. Толща северной крепостной стены по верху составила около 5 м. Вероятнее всего, возведение пом. 22 также относится к этому периоду. Из фрагментов керамики, найденных здесь, следует упомянуть черепок тонкостенной посуды с полосчатым лощением по коричневому ангобу, характерной для IV в. Аналогичная керамика зафиксирована на полу коридора внешней крепостной стены II строительного периода;

4. II строительному периоду соответствует, вероятно, заклад более раннего внешнего фаса крепостной стены кирпичной кладкой из кирпича необычного формата — $35 \times 50 \times 10$ см. Кирпич с пропорциями 1 : 1,5, как правило, не встречается после V в. В соседней Уструшане он зафиксирован в конструкциях и крепостных стенах IV в.;

5. Более ранние периоды — I и Ia, согласно сложившейся периодизации перестроек городища — были зафиксированы только на цитадели Древнего Пенджикента. Мы склонны относить к ним нижние слои внутрискладного сводчатого коридора (пом. 26). На северной стене куртины под ремонтной штукатуркой скрывались заделанные обломками кирпича проемы бойниц — на разобранном участке выявлено три прямоугольных отверстия

высотой около 60 см и шириной 30 см. В заполнении были найдены фрагменты стенок сосудов с ангобом и лощением, вряд ли позднее, чем I–II комплексы керамики Пенджикента.

Хронологии строительных периодов. При отсутствии монетных находок и чаш с крестом среди керамического материала I и Ia строительных периодов, к которым следует относить стрелковый коридор с заложенными бойницами и находками в нем позднеантичных форм (фрагмент венчика тагоры из заполнения платформы — пом. 24; ножка бокаловидного кубка — пом. 25; стенка с полосчатым лощением — пом. 22), которые аналогичны материалам I строительного периода внешней северной линии укреплений, следует принять более раннюю дату двух вышеуказанных периодов по сравнению с I комплексом керамики Пенджикента. II и III строительные периоды, судя по представленным в этих слоях фрагментам посуды, не выходят за рамки I и II комплексов керамики Пенджикента и, следовательно, могут датироваться V — началом VI вв.

Если предположение о связи стрелкового коридора (пом. 26) со строительным периодом I верно, то сведения о фортификации Древнего Пенджикента пополнились новыми уникальными данными. Прежде всего это относится к конфигурации бойниц, которые для этого периода ранее зафиксированы не были. Дальнейшие исследования позволят более точно соотнести открытые сооружения с другими постройками на цитадели и уточнить хронологию их возведения.

Литература

Семёнов Г. Л. 1996. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.

THE INVESTIGATIONS OF THE CITADEL OF ANCIENT PANJIKENT IN 2013–2018

Nikita V. Semenov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Keywords: Sogdiana, ancient Panjikent, Sogdian fortifications.

In 2013, the works began on the northern hillside of the citadel of ancient Panjikent in order to study the relationship between the palace complex of the Panjikent rulers excavated by A. Isakov in the 1960s and the structures on the Kainar spring. As a result of the works there was found the northern wall of the middle line of the citadel fortifications. On the south side of this wall there were discovered some structures of 5th and 6th centuries AD — a room with fragments of murals, a six-meter-high vault and a shooting gallery inside the wall. The stratigraphy and some finds indicate that the citadel was in existence for more than four construction periods, from the 4th to the 8th centuries AD.

ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕНДЖИКЕНТ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Ф. Ш. Аминов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-199-201

Ключевые слова: средневековая археология, Центральная Азия, Древний Пенджикент, Куктош, материальная культура домонгольского времени, средневековая керамика, хронология.

Планомерное исследование домонгольского Пенджикента является новым направлением в археологии, хотя среднее течение р. Зеравшан (Таджикистан), где расположен Пенджикент, археологически изучается с 1946 г. За это время были проведены разведки на правом берегу и левом берегу реки и выявлено большое количество разновременных